

В двенадцатом месяце девятнадцатого года Сяньдэ, армия Южного Чу борется за Лочэн. В то же время, принц Юн, Ли Чжи, борется за перевал Цзямэн. Вскоре появились слухи о том, что Великая Юн и Королевство Шу намеревались заключить мир. Принц Дэ, Чжао Цзюэ, стал чрезвычайно не по себе. Он спросил Цзян Чжэ о стратегии и тайно обсуждал этот вопрос в течение некоторого времени. На следующий день, армия Чу напала на город с чрезвычайной срочностью. На девятнадцатый день двенадцатого месяца, генерал Вэй Сянь был убит в засаде. На рассвете следующего дня, армия Чу в очередной раз напала на город. Лун Бу получил ошибочный доклад разведки и сделал вылазку из города, чтобы пустить погоню и заманить в засаду. После борьбы в течение всего дня, люди и лошади устали, принц Дэ лично выступил вперед, чтобы просить его сдаться. Лун Бу отказался. В гневе, он покончил с собой. Принц вздохнул с восхищением. Он лично собрал остатки Лун Бу и похоронил их перед Лочэном.

На двадцать пятый день двенадцатого месяца, перевал Цзямэн узнал новость о падении Лочэна. Армия Шу потеряла всякое желание к борьбе. На двадцать восьмой день двенадцатого месяца, перевал Цзямэн пал. С тех пор, Королевство Шу было беззащитно. Были и те, кто говорил, что Цзян Чжэ предложил две стратегии - захватить город или посеять раздор. Тогда у него был шанс столкнуться с Жун Юанем, бывшим приближенным принца Дэ, который поинтересовался этим вопросом. Впоследствии, Жун Юань бормотал себе под нос в течение некоторого времени. Когда позже его спросили, он отказался говорить какие-либо сведения. Вскоре после этого, Жун Юань скончался. Когда другие пришли, чтобы оплакать его, сын Жун Юаня сказал от имени своего покойного отца, что Цзян Суйюнь был гением, но, к сожалению, принц Дэ не осмеливался использовать его. ...

— Династические записи Южного Чу, Биография Цзян Суйюнь.

Я опустил кисть. Хань Чжан вышел из комнаты и открыл ворота во двор, видя генерала, одетого в золотые доспехи и белую накидку. Позади него в стороне стоял одетый в черное ученый. За ними был эскадрон личных охранников в белых доспехах. Теперь Хань Чжан оставался в армии Южного Чу почти в течение месяца. Как он мог не знать личность человека перед ним? Опасаясь, он отошел в сторону. Чжао Цзюэ взглянул на него перед входом в здание. Жун Юань сделал жест перед тем, как последовать. Личные охранники немедленно окружили кабинет Цзян Чжэ.

Я не слышал, как Хань Чжан объявил о посетителях. Когда я почувствовал себя странно, увидев Чжао Цзюэ входящим в комнату. Согласно приличий, я встал и поклонился, сказав: "По какой причине Ваша Светлость посетила мою скромную обитель? Пожалуйста, простите что Суйюнь не вышел приветствовать Вас. Может ли Ваше Высочество простить меня ".

Чжао Цзюэ сперва вернул мне приветствие, прежде чем принести извинения, "Чжао Цзюэ был занят военными делами в последнее время и не имел возможности спросить о здоровье даже Цзяна. Пожалуйста, прости меня."

Я равнодушно ответил: "Ваше Высочество держит сильную армию в пределах вашей досягаемости, чтобы иметь дело с десятью тысячами вопросов ежедневно. Откуда у вас свободное время, чтобы беспокоиться о низменном чиновнике? Могу ли я спросить, что сегодня является причиной визита Высочества? "

Чжао Цзюэ взглянул на Жун Юаня, который поспешно шагнул вперед и сказал с раскаянием,

"Дажэнь Цзянь, я плохо относился к вам раньше, пожалуйста, простите меня."

Я, естественно, ответил: «Нет необходимости для господина Жуна быть настолько вежливым. Два джентльмена, пришли лично, должно быть, военный вопрос чрезвычайной важности. Пожалуйста, говорите прямо».

Жун Юань взглянул пристыженно, прежде чем сказать, "Царство Шу направило посланника для аудиенции с принцем Юн, Ли Чжи, чтобы просить о заключении мира. Ли Чжи не согласился, но и не отклонил предложение ".

Пока он говорил, он передал здоровенную кучу отчетов разведки. Они были очень подробны, в том числе все содержания разговоров между Ли Чжи и Ян Цанем. После того, как я прочитал их, я не мог не улыбнуться. Этот Ян Цань был очень похож на моего первого студента, Лу Цаня. У них были подобные личности, использующие как угрозы, так и соблазны. Какая жалость. Я тяжело вздохнул, прежде чем говорить, "Царство Шу имеет много талантливых людей, и все же король Шу не знает, как использовать их. И все же, несмотря на то, что королевство было в опасности, все эти люди не отказались от Шу. Неудивительно, что говорят, будто люди Шу лояльны и праведны ".

Чжао Цзюэ спросил: "Что такое? Видел ли уже Суйюнь, что Великая Юн не примет мир с Королевством Шу? "

Улыбаясь, я ответил: "Если бы принц Юн был готов согласиться на мир, он бы задавал вопросы, чтобы выяснить преимущества. Тем не менее, принц Юн спросил только о талантливых людях Сычуаня. Он явно намерен заручиться поддержкой этих талантов, управляющих Сычуань. Таким образом, принц Юн не согласится на мир ".

Нахмутив брови, Чжао Цзюэ задавался вопросом: "А почему бы принцу Юн не разрешить распространить эту информацию? Если бы наш Южный Чу узнал об этом, кажется, нечто ... "

Бесстрастным голосом я объяснил, "Принц Юн действительно способный. Он намеренно позволил этим слухам распространяться с целью обеспечения возможности нашему Южному Чу узнать об этом. Из того, что знает этот смиренный чиновник, в течение последних нескольких дней, наш Южный Чу не серьезно нападал на город. Я считаю, что Ваше Высочество хочет, чтобы принц Юн боролся в кровавом бою, чтобы захватить перевал Цзямэн. В этот момент защитники Лочэна будут затронуты и не смогут быть полностью посвящены защите города. Когда придет время, мы можем легко взять Лочэн ".

Чжао Цзюэ и Жун Юань обменялись взглядами. Это была стратегия, которую они приняли после тайных переговоров. Они не могли поверить, что я видел всё так легко. Оба не сказали ни слова, но молчаливо согласились. Я продолжал: "Я считаю, что принц Юн также беспокоится о своих собственных потерях, и поэтому использовал эти слухи, чтобы заставить нас решить эту битву как можно скорее. Увы, принц Юн поистине страшен. Даже если мы можем видеть его намерения, что мы можем сделать? В худшем случае, принц Юн согласится заключить мир с Шу, заставляя нас непосредственно столкнуться с полнотой гнева Шу. Великая Юн может стерпеть существование Шу. До тех пор пока они контролируют перевал Янпин, они могут контролировать весь регион Ханьчжун. Но на сегодняшний день, после ожесточенных боев, мы только получили контроль над трудной и опасной дорогой в провинции Сычуань. Наши приобретения не сравнимы с нашими потерями. У нас не ни возможности, ни решимости тянуть. Если Шу восстановится, они будут нападать на Южный Чу за наше предательство. В это время, этот кроткий чиновник имеет три стратегии - верхнюю, среднюю и низкую ".

Услышав мои слова, Чжао Цзюэ стал смущенным. Он спросил: «Какие три стратегии? Будет ли дажэнь так любезен объяснить подробнее? »

Я прямолинейно уточнил, "Низкая стратегия будет продолжать наш текущий путь. Если Великая Юн станет нетерпеливой и первая захватит перевал Цзямэн, то мы достигнем наших первоначальных целей. Единственная проблема, если Великая Юн в ярости изменит решение и решит заключить мир с Шу. В этот момент мы будем полностью разгромлены. С помощью этой стратегии, победа и поражение полностью в руках принца Юн ".

Чжао Цзюэ печально выразил "Если победа и поражение полностью в руках других, не мы ли полностью в их власти? Что за средняя стратегия?"

Тяжелом голосом я продолжил, "Средняя стратегия начнет согласованную атаку на Лочэн. До тех пор, пока мы можем захватить Лочэн, Великая Юн также будет принудительно атаковать перевал Цзямэн. Тогда Шу падет. Мы достигнем больше, чем планировали, но также потеряем гораздо больше, чем планировали ".

Брови Чжао Цзюэ наморщились. Он не хотел терять слишком много жертв, и, таким образом, не предпринял совместных усилий, чтобы атаковать Лочэн. Тяжелым голосом он спросил: «Тогда что за верхняя стратегия?"

Я слабо улыбнулся, проанализировав, "Мы будем использовать сюрприз, чтобы атаковать и захватить город. Наши потери не будут слишком велики. Тогда, до тех пор, пока мы сдерживаем себя при разделении военной добычи, мы полностью достигнем наших целей ".

Брови Чжао Цзюэ сгладились, так как он предположил. "Но как же нам использовать сюрприз, чтобы захватить город?"

Я был хорошо подготовлен и изложил, "Гарнизон Лочэна раскалывается на две части из армии гарнизона города и армии лагеря за пределами города. Две силы способны помочь друг другу. Если мы хотим победить, мы должны уничтожить внешнюю помощь города. Я рекомендую срочно напасть на город. Вражеские силы, разбившие лагерь за пределами города, будут видеть пламя битвы. Внешние силы противника немедленно подумают, что Лочэн находится в опасности, и придут на подмогу. Мы можем установить засаду вдоль их пути и полностью уничтожить эту армию. Устранив помощь извне, мы можем обратить наше внимание к решению городского гарнизона. После этого мы еще раз начнем новую атаку против города. Мы будем использовать солдат, одетых в мундиры Шу, чтобы симулировать нападения на наши поставки, позволяя им верить, что есть еще снаружи солдаты Шу, чтобы помочь. Мы будем делать вид, что наши поставки были уничтожены и поспешно отступим, заманивая городской гарнизон, чтобы преследовать нас. Мы можем поставить засаду, чтобы отрезать им путь к отступлению, соблазнив, а затем убив главного командира противника. Когда придет время, падение Лочэна не займет много времени".

Дослушав до этого момента, Чжао Цзюэ раздавил чашку с чаем в руке. Эта стратегия была злонамеренно детальной. Он смотрел на меня с новообретенным выражением. Я не мог распознать его взгляд. Чжао Цзюэ окончательно признал, что этот утонченный молодой чжуаньюань был на самом деле кем-то, столь глубоко коварным и способным на такое коварство. Чжао Цзюэ не мог помочь, но чувствовал холод. Он был прямым и честным человеком. Несмотря на то, что он использовал стратегии до этого, но он никогда не использовал такой предательской стратегии, призывающей для засады и целенаправленного убийства командира противника. Он неестественно попрощался с Цзян Чжэ и пошел готовиться к бою.

В сумерках шестнадцатого дня двенадцатого месяца, армия Южного Чу начала яростно атаковать Лочэн. Вскоре после этого зажгли пламя. Вэй Сянь естественно ошибочно полагал, что Лочэн был в опасности. Он поспешно помчался снова. Они попали по пути в засаду сил Южного Чу. Вэй Сянь боролся до самого конца и был лично убит Чжао Цзюэ. Армия Шу рассеяна. Армия Чу жестко контролировала дороги, чтобы предотвратить попадание какой-либо информации в Лочэн.

На рассвете в семнадцатый день двенадцатого месяца, силы Южного Чу вновь напали. Гранд-генерал Лун Бу командовал гарнизоном, отбив несколько нападений, но понес большие потери. Около часа дня, армия Южного Чу была внезапно брошена в хаос, прежде чем быстро собраться и отступить. Поверх зубчатой стены, Лун Бу увидел, что лагерь Южного Чу в перевале Фушуй пылал. На данный момент, Чжао Цзюэ отправил одного из своих доверенных помощников, замаскированного под армейского разведчика Шу, чтобы сообщить Лун Бу новости о том, что Вэй Сянь уничтожил запасы Южного Чу. Торжествующий, Лун Бу увидел, что отступление было беспорядочно и лично возглавил кавалерию для преследования. Казалось, побежденная, армия Южного Чу рассеяна. Лун Бу погнался за двадцать ли. Его путь возвращения был отрезан силами Южного Чу, скрытыми в горах. Армия Южного Чу сформировалась и окружила Лун Бу. Ведомый семью тысячами элитных всадников, Лун Бу окружен со всех сторон. Сражаясь всю ночь, полностью пропитанный кровью, он был ранен более десятка раз. Наконец, он больше не мог продолжать. Его телохранители были мертвы, и он был полностью окружен, без всякой надежды на спасение. Принц Дэ лично вышел вперед, чтобы попытаться убедить Лун Бу сдаться. Лун Бу громко рассмеялся и ответил: "Мое царство Шу только обезглавило генералов; как может любой пасть на колени и сдаться? "Закончив, Лун Бу перерезал себе горло. Вздохнув с восхищением, Чжао Цзюэ приказал, чтобы он был похоронен с честью.

На восемнадцатый день двенадцатого месяца, силы Южного Чу отступили к перевалу Фушуй для реорганизации. На девятнадцатый день, они начали новую атаку против Лочэна. С их мертвым командиром, гарнизон не смог должным образом защитить город и сдался к сумеркам.

На двадцать третий день двенадцатого месяца, перевал Цзямэн получил известие о падении Лочэна. Его гарнизон пал в полный хаос. Чэнду был теперь полностью подвергнут воздействию сил Южного Чу. В тот же день, принц Юн, Ли Чжи, начал крупномасштабную атаку. Защитники перевала утратили волю к борьбе. На двадцать пятый день, перевал Цзямэн пал. Премьер-министр Шэнь Цзюнь был взят в плен. На данный момент, Королевство Шу было беззащитно.

Когда король Шу, Мэн Цзюнь, получил известие, то потерял сознание несколько раз. В королевских покоях для аудиенций, он слезно рыдал: "Прошло шестьдесят лет с тех пор как предки основали это королевство. Сегодня всё растворилось в воздухе. Хотя мы умрем, я не осмеливаюсь предстать перед своими предками ." Он просил советов у чиновников. Кто-то посоветовал сдаться. Размышляя над этим, Мэн Юнь вернулся обратно во дворец. Придворные чиновники могли только смотреть друг на друга перед тем, как разойтись.

Двадцатый год Сяньдэ, восьмой год шестидесятилетнего цикла, в течение первого месяца нового года, дворы Великой Юн и Южного Чу праздновали победу. В отличие от них, все в Шу были мрачны, ожидая реорганизации сил Великой Юн и Южного Чу и встречи перед Чэнду.

Все в армии праздновали. Я выпил пару чашек вина в палатке предводителя перед отъездом, возвращаясь к своей палатке. Лежа на кровати, я несколько растерянно думал о будущем. Стратегия, которую я предложил была известна только Чжао Цзюэ. Я просил, чтобы мое

участие не было выявлено. Он согласился с этим, вероятно, потому, что он рассматривал мою предложенную стратегию как слишком порочную. Он не знал, что я уже планировал покинуть Южный Чу. Если бы кто-нибудь узнал, что я был стратегом, ответственным за победу над Лочэн, я, вероятно, никогда не был бы в состоянии жить мирно. Победа не принесла много радости. Я знал, что Хань Чжан горько плакал прошлой ночью, несмотря на то, что он старался делать это не слишком громко и сознательно избегал свою жену.

На самом деле, по сравнению с моей стратегией, та, что применилась принцем Дэ, единственная была порочной, заставляя других быть его орудиями. В то время я оставил одну деталь. У принца Юн был еще один мотив. Он использовал бы возможность собрать подробные сведения о разведывательной сети Южного Чу, выявив тех лиц, которые работали на Южный Чу. Когда бы пришло время, он мог бы легко устранить этих людей. Ах ... какая бы это была интрига? Я не намеренно оставил эту деталь, когда советовал принцу Дэ. Если он не мог понять этот простой факт, то его мышление было слишком медленным. Кроме того, я не хотел обидеть Великую Юн. Наряду со страхом и исключением Чжао Цзюэ, я потерял всякое намерение служить ему.

Увы, я надеялся, что у Южного Чу бы кто-то, способный восстановить династию, но, к сожалению, Чжао Цзюэ не был Гуань Чжуном или Юэ И. Казалось, он немного напоминает Бао Шуя, слишком четко дифференцируя между черным и белым, добром и злом. Он не понимал необходимости маскировать свою яркость и быть единым с пылью земли.

Там действительно не было надежды для Южного Чу, думал я с горькой тоской.

В течение первого месяца двадцатого года Сяньдэ, две армии не спешили наступать, и не нашли время, чтобы реорганизовать себя, консолидируя контроль над захваченными территориями в ожидании весны. Для Королевства Шу, это было их последней зимой. В то время как Королевство Шу почти потеряло свою военную мощь, ситуацию было трудно оценить. Я уже давно засвидетельствовал тщеславие и упорство народа Сычуань. Всего за месяц было семь бунтов и двадцать три покушения. Конечно, я не был мишенью, так как я не был известен. Большинство знаменитых ученых Сычуань отказалась уступить. Они не могли сопротивляться, но они могли по-прежнему молча отвергать предложения. Ситуация была довольно опасной, в результате чего волосы Чжао Цзюэ белели. Мы выиграли, и все же ситуация была сложной. Наконец, мы достигли единого мнения. Если бы король Шу сдался, все было бы к лучшему. После обсуждений, оба Великая Юн и Южный Чу договорились заранее вместе касательно Чэнду в первый день второго месяца.

Перед тем как мы ушли, Чжао Цзюэ встретился со мной. Он любил встречаться со мной в частном порядке, избегая публично просить моего совета. Это было, вероятно, потому, что мои стратегии часто были слишком порочными. Но я очень любил такого рода встречи. Этот метод был особенно безопасен, так как никто не заметил бы меня. Не говоря уже о том, что я придумал множество стратегий, и все они немного порочны. Поэтому я позволил Хань Чжану уйти. Было слишком опасно оставлять гражданина Шу на моей стороне. Если бы он почувствовал, что мой убийство стоит того, чтобы потерять всю свою семью, это стало бы катастрофой для меня.

Для того, чтобы защитить меня, Сяошуньцзы ломал голову. Находясь в тюрьмах Южного Чу, он нашел хорошего кандидата. Этот человек звался Чэнь Чжэнь. Он был секретным агентом и убийцей Шу. Он был взят в плен после того, как Лочэн пал. Когда мы обнаружили, что он пытался убить наших офицеров, он должен был быть казнен. Этот человек был особенно жесток, благодаря естественному холодному отчуждению. Он был тем, кто ни о чем не заботился, кроме самого себя. Если бы не тот факт, что Лочэн пал так внезапно, он бы давно

убежал. Сяошуньцзы остановился на нем из-за его естественной хладнокровной природы. Он заставил меня спросить Чжао Цзюэ, чтобы спасти его. Почувствовав, что он не вознаградил меня за мою службу, Чжао Цзюэ согласился. Сяошуньцзы использовал секретный метод, чтобы оставить на нем отметины. Я все еще волновался и просил Сяошуньцзы кормить его медленно действующим ядом, который я придумал сам. Чэнь Чжэнь был также проинформирован о том, что противоядие было в руках Сяошуньцзы. Таким образом, у меня был телохранитель. По словам Сяошуньцзы, этот человек не выбрал бы честь перед жизнью и убил бы меня. Тот, кто лелеял свою жизнь и принял меры для предотвращения предательства был лучшим охранником.

Чжао Цзюэ сел и нерешительно сказал: "Мы собираемся атаковать Чэнду. Когда придет время, без буферного государства, которым является Царство Шу, как мы можем столкнуться с Великой Юн? Король издал секретный указ, приказав нам не обижать Великую Юн".

Я уже подготовил план мысленно и детально: "Этот смиренный чиновник считает, что самая большая проблема будет в Чэнду. Тот, кто принимает короля Шу в плен будет крупнейшим бенефициаром. Мы не должны оспаривать эту точку зрения с Великой Юн. Бессмысленно. У этого смиренного чиновника есть идея, как избежать попадания короля Шу в руки Великой Юн. Этой идеи будет достаточно. Кроме того, я слышал, причина того, что король Шу отстранился от талантливых людей и стал близок с мерзкими персонажами, потому что он обожал одну из его наложниц, Леди Золотой Лотос, и евнуха, Чжан Цюаня. Я слышал, что леди Золотой Лотос обладает прекрасной красотой. Мы должны позволить Великой Юн завладеть всем двором и гаремом Шу. Если принц Юн приведет их в Чан'Ань, то красота леди Золотой Лотос, безусловно, получит благословение императора Юн. Благодаря этому, мы зложим искры в императорском гареме Великой Юн. Если принц Юн решит убить этих людей, хотя о потерях будут сожалеть, их смерть наверняка разозлит императора Юн. Люди старшего возраста любят красоту, особенно это касается императора Юн, который не является особенно мудрым и способным монархом. Вне зависимости от успеха, мы вставили клин между императором Юн и его сыном".

Я продолжал: "Конечно, есть вещи, которые мы должны приобрести. Сразу после того, как мы войдем в город, Ваше Высочество должен послать кого-нибудь в Министерство доходов и собрать все имеющиеся записи, включая данные переписи, карты и книги. Они будут иметь особую помощь в нашем управлении Сычуанем. Конечно, мы должны также награть золото, серебро и драгоценные камни. С одной стороны, эти сокровища будут служить, чтобы помочь скрыть наш захват важных доходов и переписи записей. С другой стороны, мы можем использовать эти сокровища, чтобы должным образом вознаградить армию и обеспечить откаты к королю. Наряду с этим, мы не должны беспокоиться ни о чем другом. Разрешите Великой Юн заняться официальными резиденциями чиновников Шу".

Чжао Цзюэ кивнул головой на мои слова. "Дажэнь Цзян упомянул вбивание клина между императором Юн и его сыном. Можете ли вы объяснить более подробно?"

Так как я собирался покинуть Южный Чу, я не прятал или скрывал что-либо. Поэтому я объяснил: "Всем известно, что принц Юн и кронпринц, Ли Ань, бьются за звание наследника. Так как Великая Юн опирается на военную мощь и достоинства в качестве своей основы, Ли Ань в неудобном положении. Успешное вторжение принца Юн в Шу, несомненно, привлечет большие заслуги. Ли, несомненно, будет настолько обижен и злым, что он будет скрежетать зубами. Мы можем использовать эту возможность для отправки агентов в Великую Юн, чтобы распространять слухи о том, что принц Юн будет использовать регион Ханьчжун, чтобы объявить независимость".

Сказав так много, Чжао Цзюэ наконец понял, и он смотрел на меня глубоко, глазами, полными страха. Он глубоко и почтительно сказал: "Хорошая идея дажэня Цзяна может обеспечить несколько десятилетий мира для Южного Чу. Требуется ли дажэню что-нибудь? Чжао Цзюэ, безусловно, поможет вам в меру моих способностей".

Размышляя над этим, Чжао Цзюэ, вероятно, предлагал мне путь к продвижению. Я ответил безразлично, "Сей смиренный чиновник истерся от путешествия и приобрел длительный недуг. Я хочу иметь возможность вернуться домой и уйти в отставку с моей позиции. Если я могу получить одобрение вашего высочества и сделать предложение королю, то я не могу быть более благодарными".

Чжао Цзюэ нахмурил брови, размышляя. Цзян Чжэ был таким глубоким комбинатором. Хорошо, если бы он был не заинтересован во власти, но если он уйдет и в конечном итоге вступить в другую страну, то он будет представлять опасность для Южного Чу. В результате, Чжао Цзюэ категорически возразил: "Слова дажэня Цзяна являются ошибочными. умение и мудрость господина являются выдающимися. Чжао Цзюэ собирается полагаться на вас, как вы можете оставить все и уйти в уединение? Если дажэнь Цзян не любит сложные государственные дела, этот принц будет докладывать королю и поддержит вас в Академии Ханьлинь. Если нет других вопросов, то вас более не беспокоят".

Что? Мои глаза расширились, и я открыл рот. Как все складывается вопреки моим желаниям? Той ночью я пожаловался Сяошуньцзы. Сяошуньцзы хлопнул себя по лбу и ответил: «Боже мой! Дажэнь, как вы не понимаете намерений этого принца? Вы такой талантливый человек, даже если бы они осмелились отпустить вас, они боятся, что вы присоединитесь к Великой Юн или Северному Хань. Кто вам сказал раскрыть свои таланты? Похоже, что вы не можете уйти в отставку. С этого момента, вы, скорее всего, должны убедиться, что скрыли свои способности, и выждать время. Когда будет возможность, у вас появится шанс отказаться от своего поста".

Покраснев, я показал выражение стыда и уважения Сяошуньцзы.

На пятнадцатый день второго месяца, Южный Чу и Великая Ен сблизились в Чэнду. Две армии осадили Чэнду. Принц Дэ вышел на встречу с принцем Юн, Ли Чжи. Я не мог сдерживать свое любопытство и был заинтересован в решении этой героической личности. Я последовал за Чжао Цзюэ. Прибыв до основного лагеря, я внимательно посмотрел на предчувствия местности и скрытое намерения убийства в лагере, который я встретил с одобрением. Принц Юн, Ли Чжи, встретил нас у входа в свой лагерь. Издалека, я уже заметил, что он стоял у входа. Он был одет в наряд императорского принца, и, казалось, был естественно, уравновешенный и благородный. Несмотря на то, что он только стоял там, ничего не делая, чувствовалось, как вся властная и мощная аура лагеря Великой Юн была собрана в этом одном человеке. В ста шагах от входа в лагерь, принц Дэ спешил с коня и продолжил путь пешком. Я последовал его примеру. Приблизившись к лагерю, я увидел слабую улыбку принца Юн, он вышел вперед, чтобы приветствовать нас. В это время, я, наконец, обнаружил шокирующий факт, что оставил меня безутешным. Я на самом деле признал принца Юн, Ли Чжи.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется